

Северный следопыт

В 1825 ГОДУ 17-летний сын управляющего тельминскими фабриками в Иркутской губернии, только что выпущенный из кадетского корпуса «за неспособностью из-за болезни к военной службе», лихой петербургский гуляка и поэт Владимир Игнатьевич Соколовский сочинил маленькую песенку, которой была суждена популярность чуть ли не до конца XIX века: ее певал еще Н. С. Лесков, чудесный русский писатель. Вот эта песенка:

Русский император
В вечность отошел,
Ему оператор
Брюхо распорол.
Плачет государство,
Плачет весь народ —
Едет к нам на царство
Константин-урод.
Но царю вселенной,
Богу вышних сил,
Царь благословенный
Грамотку вручил.
Манифест читая,
Сжалился творец —
Дал нам Николая,
Сукин сын, подлец!

Песенка касалась 14 декабря, вообще событий, предшествовавших воцарению Николая I. Молодой автор был связан с декабристами и распевал эту песню перед бюстом императора.

Но — тем дело пока и кончилось. Некоторое время Соколовский служил в Сибири, а с 1831 года — в Москве, затем в Петербурге, в канцелярии военного генерал-губернатора. В Москве он заводил знакомство с кругом Герцена и Огарёва, и тогда же появляются в печати первые его стихи и поэма «Мироздание». «Соколовский... имел от природы большой поэтический талант, но не довольно дико самобытный, чтоб обойтись без развития, и не довольно образованный, чтоб развиться. Милый гуляка, поэт в жизни, он вовсе не был политическим человеком. Он был очень забавен, любезен, веселый товарищ в веселые минуты, *bon vivant**, любивший покутить — как мы все... может, немного больше». Так характеризует его Герцен.

«Кто важно в свет вступил
при шаге,
Кто много нежностей читал,
Тот хочет вдруг,
при первом шаге,

Сыскать для сердца
идеал...».

Странной фигурой 30-х годов был Соколовский. И не менее странным было его творчество. Талантливейший поэт, умница, он подчас из-за денег разменивался на такие литературные поделки, как роман «Две и одна или Любовь поэта», классический пример бессодержательной беллетристики. Главным в его поэзии были мотивы Библии: величественные сюжеты, образы, краски, экзотически звучащие имена вроде Дедана или Хевери, ораторская пышность речи и атмосфера священного экстаза, восторга и трепета перед очистительным таинством будущего... И эти мотивы сосуществовали с фривольными стихотворными письмами, посланиями, экспромтами или песенками вроде вышеприведенной. Весельчик и остролос в жизни, он в поэзии тяготел к жанру трагической оды со всеми уловками ее поэтического мира.

Слабый здоровьем, он был крепок духом: его не сломили ни трехлетнее заключение в тюрьмах, ни пытки, ни оскорбления. Вот что вспоминает о нем Герцен: «Попавшись невзначай с оргий в тюрьму, Соколовский превосходно себя вел, он вырос в остроге. Аудитор комиссии... спросил Соколовского, не смея из преданности к престолу и религии понимать грамматического смысла последних двух стихов:

— К кому относятся дерзкие слова в конце песни?

— Будьте уверены, — сказал Соколовский, — что не к государю, и особенно обращаю внимание на эту облегчающую причину. Причина была действительно «облегчающей», ибо «дерзкие слова» относились к господу-богу...

«Но кто грозит подобными бедами?

Кто смел на власть

бесславье вознести?...».

В июле 1834 года московская полиция арестовала группу молодых людей, подозреваемых в пении дерзких куплетов насчет августейшей фамилии. Среди схваченных были приятели поэта: Герцен, Огарёв, Сатин, Оболенский, Уткин (знаменитый гравер). Уже первые допросы показали, что сочинителем «возмутительной» песни был «главный участник в сем

«Я ВЕСЬ В МЕЧ- ТАНЬЯХ УТОНУЛ»

под именем «жив курилка». Есть эпохи, в которые такая игра есть уже большая заслуга», — писал выдающийся философ и поэт 30—40-х годов А. С. Хомяков.

«Да, им готовы гнев и муки!
На них сам бог идет
с лозой,
И потому-то под грозой
У них у всех расслабнут
руки».

29 сентября 1837 года Соколовский приехал в Вологду. Там его подстергали новые беды. Прежде всего, безднезные: из-за бюрократической волокиты ему долгое время не выплачивали даже «арестантских» сорока копеек в день. На первых порах «милому гуляку» пришлось очень нуждаться, о чем он пишет в грустных письмах изданному А. А. Краевскому. Потом обострилась болезнь — изнуряющие приступы чахотки участились. Наконец, в это время сбнаружилась еще одна «предосудительная наклонность» ссыльного — склонность к алкоголю.

«Сгрустнешь в тяжелой
думочке
И молишься творцу,
И снова лезешь к рюмочке,
И снова к огурцу...».

Тем временем в Петербурге вышла из печати драматическая поэма «Хеверь», написанная еще в Шлиссельбурге по мотивам библейской книги «Эсфири». Вопреки ожиданиям поэма не имела никакого успеха у публики. Время былых успехов поэм Соколовского безвозвратно прошло, и ветхозаветный образ карающего бога как нравственного кодекса при осуждении социального зла — уже не принимался современниками. Пересказывая легенду о женщине, спасшей народ от уничтожения, автор как бы говорит современникам о необходимости всеобщего единения и любви на земле. Это был своего рода протест против мерзостей окружающей действительности, выраженный в напряженной романтической форме, с ее громоздкой метафоричностью, языком экспрессивным и неточным, допускающим неологизмы:

«И радостно при свете
наслажденья
Субботствовать
в объятиях любви...»

В Вологде Соколовский упорно работает над поэмами «Альма» и «Разрушение Вавилона», в них слышатся уже отзвуки декабристского, бунтарского толкования Библии и значительную роль играют под-

робности из современной жизни. Ветхий завет (а его поэт изучил в подлиннике, специально для этой цели выучившись в Шлиссельбурге еврейскому языку) Соколовский подвергает решительной переработке, допуская многочисленные, порой, разительные отступления от текста священного писания — и тем самым дает поводы для придирок цензуры. Из-за них публикация этих поэм так и не осуществилась («Альма», кстати сказать, не напечатана до сих пор). Отрывки из этой поэмы Соколовский задумал включить в вологодский сборник, подготовленный им к печати вместе с молодыми вологодскими литераторами (Н. Е. Вучем, А. И. Иванищем, Н. И. Навашиным (у последнего Соколовский долго жил на квартире). Но сборник так и не увидел света.

В Вологде Соколовский посещал дом помещика Д. М. Макшеева, дочь которого — юную поэтессу Вареньку — он полюбил безо всякой надежды на брак. Он часто гостил в имении, писал «томительные» письма и ревностно хлопотал о публикации стихов своей возлюбленной, которые по его просьбе печатались в петербургском журнале «Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду» рядом с его собственными... Уже после смерти Соколовского вышел «Одесский альманах», где стихотворение В. Д. Макшеевой «Поэту», адресованное Соколовскому, помещено вслед за его «Одой стремлению», в которой речь идет о юной возлюбленной... А попали эти стихи в «Одесский альманах» через Н. И. Надеждину, с которым поэт встречался в Вологде в январе 1838 года.

Наконец, в 1838 году прошения поэта о переводе на юг по болезни были удовлетворены. 24 декабря Соколовский покидает Вологду, три месяца проводит в Москве, а в апреле следующего года приезжает в Ставрополь. Но время для лечения было упущено, и 17 сентября 1839 года «милый гуляка», замечательный и во многом непонятный поэт 30-х годов, скончался, не успев напечатать целый ряд своих произведений, в том числе поэмы, начатые в Вологде, — «Новоизбрание» и «Искупающий страдаца».

«Я весь в мечтаниях утонул,
А он, мой ангел, он уснул!
Да, он уснул, прошу
покорно!».

В. КОШЕЛЕВ.

*) *bon vivant* — добрый малый (франц.).